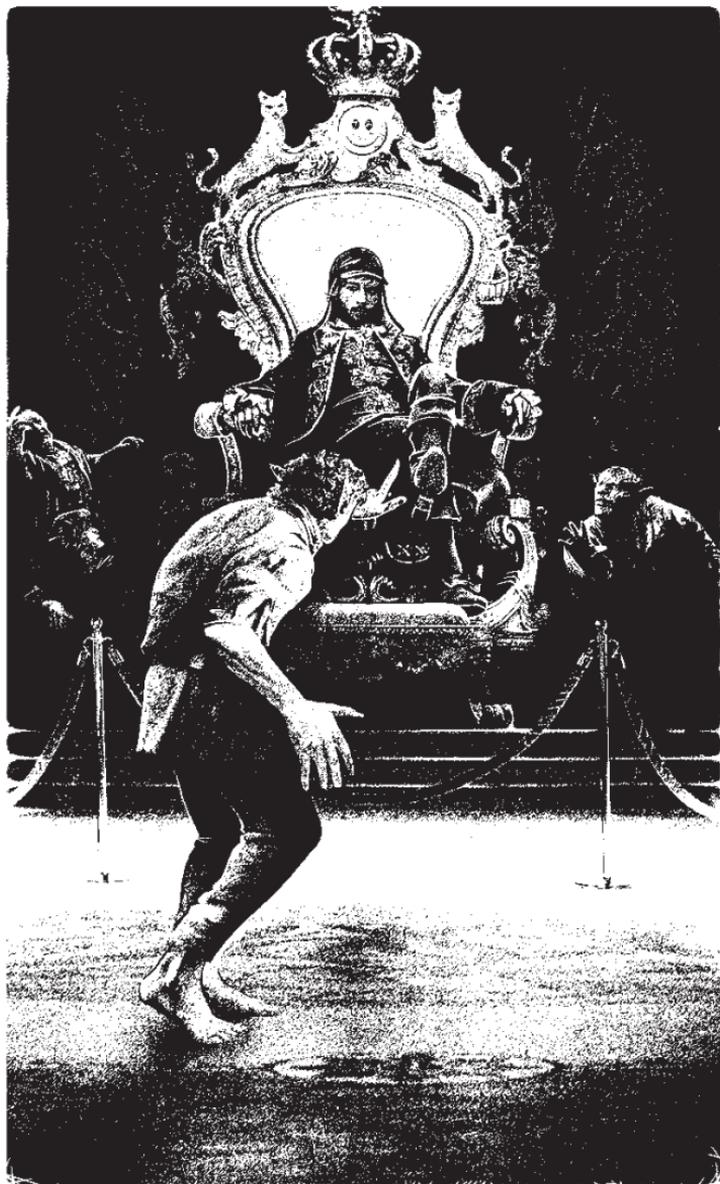

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Дмитрий ТУМАНОВ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПОВЕЛИТЕЛЯ.
ПУТЕВОЙ БЛОКНОТ

Роман

Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Т83

Серия основана в 2004 году
Выпуск 717

Художник
О. Бабкин

Туманов Д. В.

Т83 Возвращение Повелителя. Путевой блокнот: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 280 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-3077-2

Очнувшись после автокатастрофы, Игорь Алексеев, программист из Владимира, обнаруживает себя в чужом теле в подземном бункере другого мира и с удивлением узнает, что он, Игорь, является властелином миров, возродившимся в новом теле с чистой памятью. Для возвращения к былым высотам Игорю предстоит пройти долгий путь, следуя указаниям блокнотных листов, оставленным его предшественником. И с каждым шагом альтернативная реальность будет занимать все больше места в сознании Игоря, затмевая его земную жизнь и постепенно меняя его личность.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Туманов Д. В., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3077-2

Глава 1

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Говорят, что в момент смерти вся жизнь пролетает перед глазами. Практика показала — это не так. Перед моими глазами промелькнула лишь стремительно приближающаяся кувыркающаяся красная легковушка. Потом был удар, резкая боль и... бесконечная темнота. Исчезло ощущение времени. Исчезли вообще все ощущения. Сознание замерло, застыло, остановилось, словно раз и навсегда запечатленная фотография. Монохромный снимок в сплошном негативе, на котором уже ничего и никогда не изменится.

В какой-то момент боль вернулась: резко и пронзительно, словно шило, с размаху вбитое в мозг. Который встрепнулся, вздрогнул в трепетной конвульсии и осознал, что он — существует. Боль была невыносимой — не было ничего, кроме боли, но эта боль воскрешения была тождественна оргазму.

«Я жив! Я все еще жив!» — возопило сознание, собиравшееся из разбросанных замороженных молекул и концентрируясь вокруг раскаленной иглы. Боль помогала сосредоточиться, вокруг нее, словно вокруг пульсирующего сердечника в электромагнитной катушке, начал течь ток сознания. Возникали мысли: сначала разрозненные и обрывочные, они постепенно складывались и упорядочивались, становились единым целым.

Где я? Что со мной? Я умер? Тогда где ощущение умиротворенности? Где световой тоннель? Где пресловутые

ангелочки или кто-нибудь еще, кто покойников на том свете встречает? Где вообще что-то? Вокруг темнота непроглядная. И если голова так от боли раскаляется — значит, она еще есть. И тело есть, на котором эта самая голова находится. Только я его не ощущаю — словно деревянная колода там, по ту сторону шеи. Руки, ноги — целы ли? Есть ли они вообще — непонятно. Но ощущение тяжести под затылком присутствует — лежу на чем-то твердом.

Определенно жив, вестибулярный аппарат это подтверждает. Глядишь, еще так полежу, и остальные чувства подтянутся. А пока, благо память тоже работает, прокрутим мысленно события этого дня, который и начинался-то не весело, и уж совсем грустно завершился.

Итак, зовут меня Игорь, по батюшке Владимирович. Отец мне такое имя и присвоил в честь кумира своей юности Игоря Талькова — талантливого рок-певца, трагически погибшего при каких-то странных, не до конца выявленных обстоятельствах. Харизматический был чел — пел классно, выглядел брутально, бабы по нему с ума сходили... Я по молодости тоже пытался в таком стиле себя изобразить, но получалось стремно, тем более что с музыкальным слухом у меня всегда нелады были. Потом, спустя пятнадцать лет, посмотрел семейный альбом, нашел свои фотки и ужаснулся — какие же сквозняки тогда в моей беспутной голове гуляли?

Кстати, в тему: вестибулярный аппарат окончательно пришел в себя, и у меня слух восстановился — резко так, словно затычки из ушей выдернули. В пространственной ориентации это не сильно помогло: единственным звуком, который я слышал, было мое собственное дыхание. Ну оно хотя бы есть, причем естественное, а не искусственное, через дыхательную трубку — это уже успокаивает. Значит, не в реанимации я. Хотя, честно говоря, беззвучие внешнего мира несколько настораживает.

Ладно, там видно будет, а пока продолжаем освежать память. Фамилия моя — Алексеев, самая простая и обычная, ее же носят еще десятки тысяч мои соотечественников. Не

повезло мне родиться каким-нибудь Лихтенштейном, или Станиславским, или, в конце концов, Лениным. Алексеевых много в стране вообще и в моем окружении в том числе. Поэтому я имею и второе имя. Лексус — это мой сетевой никнейм. Поскольку к моменту моего приобщения к Интернету там таких Лексусов тоже немало оказалось — при регистрации добавил еще инициалы. Получилось забавно — Лексус IV. Словно какой-нибудь князь или король.

Эх, где же оно, мое королевство... По факту имеется только двушка в спальном районе, да и та от бабки покойной досталась. Склочная была бабулька — много лет всю родню изводила, в том числе и запахом своим. Вы слышали когда-нибудь такое выражение: «Пахнет, как бабушка»? Так вот — это был как раз такой классический случай. Старушка уже много лет как преставилась, после чего квартира была подвержена дезинфекции и тотальному ремонту. Но до сих пор этот бабкин запах гнездится по углам и временами ароматизирует и без того не сильно комфортную панельку.

Вот, неспроста же я этот запах вспомнил — мое обоняние заработало! Сейчас я что-то похожее ощущаю — какую-то затхлость, словно где-то поблизости лежит старый половичок из туалета. В медучреждении по определению так пахнуть не может нигде, разве что... в морге. От трупов по соседству. А что, вполне возможно: в час пик по трассе сплошной поток машин шел на приличной скорости — любая авария с выездом на встречку автоматически становилась массовой. Много пострадавших, много погибших. Ошалевшие медики, попав в этот хаос и особо не разбираясь, машинально отсортировали тех, кого можно спасти, от тех, кто признаков жизни не подает. Последних постфактум привезли сюда в труповозке и разложили рядком. То-то я тела не чувствую — окоченел совсем в больничном холодильнике!

И да, кстати, ощущение холода имеет место быть! Похоже, осязательные рецепторы заработали. Вокруг меня хоть и не мороз, но явно не комнатная температура. Если насчет

покойницей я угадал — надо побыстрее в себя приходиться и возвращаться в мир живых, а то я тут в комплекте к разбитой голове еще и переохлаждение заработаю. И будет у меня тогда глупая и нелепая смерть — пациент ошибочно признан мертвым, после чего замерз насмерть в больничном морге.

Несмотря на все внутренние усилия, с восстановлением движения получалось не очень. Совсем не очень. Только уголок рта дергался, и то скорее на нервной почве. Будем надеяться, я не парализован и двигательные рефлексy все же восстановятся. А пока что продолжаем лежать и анализировать мою не слишком богатую биографию. Она ничем не примечательна — все как у большинства. Всю жизнь прожил в городе Владимире — это такой областной центр к западу от Москвы, если кто не знает. Учился в обычной местной школе, потом в местном же университете по специальности «инженер-программист». Потом, отслужив срочку в армии, устроился на работу в местный филиал мобильного оператора «Интерком»: сначала инженером технической поддержки, потом специалистом по техническому развитию.

Там и работаю уже десять лет — типичный менеджер среднего звена. Среднее уже некуда: офис у нас небольшой, карьерные и финансовые перспективы отсутствуют как таковые. А сменить работу уже сложно — привык к ней, если не сказать прирос. Вот нынешним летом мне уже тридцать три стукнуло — возраст Иисуса. Иной раз думаешь: что он сделал в эти годы и что — ты? После чего в обязательной программе — тоскливый взгляд на прожитую жизнь и последующая депрессия.

Взгляд... Мои глаза открыты, я — вижу! Но вот то, что я вижу, — приводит меня в оторопь, переходящую в стремительно нарастающую панику. Я вижу темноту, но темнота эта очень ограниченная! Блин, да ведь я же в гробу лежу! Меня, походу, похоронили заживо!!!

От нахлынувшего ужаса меня аж всего передернуло — истошный вопль вырвался из глотки и, отразившись эхом,

ушел куда-то вбок. Нет, не в гробу я — скорее в стенной нише, в склепе каком-то. Не зря же тут мертвечиной пахнет и воздух спертый, застоялый. Сразу вспомнились бесконечные известняковые подземелья Киево-Печерской лавры, где я в студенческие годы был на экскурсии. Там святые подвижники жили годами при свете свечи, питались хлебом и водой, спали в выдолбленных в камне нишах. Там же их потом и хоронили, когда срок приходил. Между прочим, Владимир — город с древней историей, катакомбы у нас тоже имеются, и даже подземная речка там протекает.

Но, во всяком случае, в катакомбах тех никого не хоронят. Вот каким образом я оказался под землей после аварии — это большая загадка. Кто меня сюда приволок, с какой целью? Вроде тело начинает оттаивать понемногу: пальцы шевелятся, нащупывая подо мной какую-то войлочную подстилку. Язык вполне себе нормально работает, говорить внятно пока не могу, но вот крикнуть, на помощь позвать — запросто. Вот только стоит ли? Вряд ли меня сюда приволокли с благородными намерениями — скорее уж совсем наоборот. Тут уже версий много может быть — от потрошителей карманов до божжей-людоедов. Нет, шуметь определенно не стоит, пока не разберусь по ситуации.

Я попытался сесть на своем «погребальном ложе» и с размаха треснулся лбом о притолоку ниши! Голова и без того болела нещадно, а тут аж искры из глаз посыпались. Отлежавшись малость и ощутив пострадавший лоб, я несколько удивился. Голова у меня болела неспроста — под волосами чуть выше лба нащупывался немаленький шрам. Вполне вероятно, через него пришло и сотрясение мозга, остаточные последствия которого я ощутил при первом же движении.

Но! Кровь вокруг шрама запеклась уже настолько давно, что под моими пальцами начала шелушиться и осыпаться. Это сколько же я тут валяюсь в беспомощности? Неделю, не меньше. Желудок начинает бить тревогу. И обезвоживание

налицо — во рту все так пересохло, будто я по пустыне ма-
рафон бегал.

Ну и дела... Мои, наверное, уже с ног сбились, все боль-
ницы, морги обыскали, а полиция с собаками все окрест-
ные парки и пруды обшарила. Мои — это родители, двое де-
тей и жена. Плюс, возможно, ее родители, но тут скорее ми-
нус, чем плюс, — отношения с ними несколько натянутые.
И с женой — тоже. Если бы не дети, то... Да, детей жалко —
папка как есть пропал без вести.

Надо срочно выбираться отсюда! Собравшись с силами,
я вывалился из ниши на шершавый пол вместе с убогим
матрацем, который оказался настолько ветхим, что сам со-
бой развалился на части. Попутно уронил лампу — что-то
вроде старинной керосинки с ручкой сверху. От удара о пол
лампа не разбилась, но ее содержимое засветилось слабым
белым светом. Внутри стеклянного колпака находилась
стеклянная спираль с газом внутри, а включалась лампа са-
мым натуральным динамо-приводом — складной рукоят-
кой в днище. Заряда хватало минут на десять яркого света,
как от хорошего фонарика. Потом спираль снова начинала
угасать, хотя вспыхивала, даже если ее просто потрясти —
видимо, там был еще встроенный маятниковый механизм,
как в наручных часах.

Оригинальная штучка — простая и практически вечная.
Чего только японцы не придумают... Или китайцы — уже не
важно. Наверное, это мои «доброжелатели» лампу забыли,
когда меня сюда затаскивали. Или специально положили,
чтобы долго не искать. Что ж, попробуем воспользовать-
ся — все лучше, чем в темноте ползать.

Динамо-лампа давала достаточно света, чтобы я мог рас-
смотреть, где нахожусь. В результате рекогносцировки мои
смутные подозрения стали явными — я находился в небо-
льшой бетонной камере с низким потолком, без окон и с
дверным проемом, перекрытым решеткой. В противопо-
ложной стене была еще одна ниша — там лежало нечто по-
хожее на тело, и именно оттуда струился едва уловимый
трупный запах. Видимо, предыдущий постоялец спасения

не дождался. На стене над нишей мое воображение нарисовало грустно улыбающийся смайлик. Да уж, радоваться тут особо нечему.

От моего собственного тела проистекал еще более заметный запах. Даже не столько от тела, сколько от одежды на нем. Пока я днями без сознания валялся — бомжи стащили мою одежду, а меня приодели в какую-то дерюгу из мешковины, которую и одеждой-то сложно было назвать. Местами латаная, она при этом не выглядела ветхой, хотя и смотрелась просто-таки старинной: кривая кройка, швы наружу, грубые стежки крест-накрест. Этаким классический пейзаж со средневековой исторической реконструкции. Наверное, местный театр выбросил ненужный реквизит на помойку, а ее обитатели прибрали раритет в свой гардероб.

Ботинок, кстати, на мне не было — ворюги сняли даже носки. Тут причина уже другой может быть — босой человек по такому шершавому бетонному полу быстро бегать не сможет, в момент ноги в кровь сотрет. А это значит, что я здесь все-таки в роли пленника. А в худшем случае — в роли продовольственного запаса.

Доковыляв до решетки, я подергал ее — так и есть, заперто. Засов железный с той стороны и замок на нем висит — большой, тяжелый, закрытый. За решеткой — коридор с потертым бетонным полом. Возможно, тут какие-то грузы таскали, хотя может статься, что пол истерт ногами тысяч заключенных. Однозначно тюрьма — между прочим, для кого-то уже ставшая посмертной.

По ту сторону коридора была еще одна камера, внутри которой виднелись очертания длинного металлического ящика на колесиках. Прямо как из того фильма про попандцев в галактику Кин-Дза-Дза — пожизненный эцих без гвоздей. Хотя этот, может, для кого-то был и с гвоздями... Вон на ящике они валяются вразброс, и инструмент рядом лежит — не иначе пила по металлу. Мне бы ее сюда... телепортировать. Но проще до Луны дотянуться — там такая же решетка с засовом, и на ней тоже висит замок.

Вот же я попал... Настоящая подземная тюремная база. Явно не самодельная — провода и кабели связкой под толчком проходят. Возможно, это какой-то бывший военный секретный объект. А возможно, и не бывший. Вот только меня-то сюда за что законопатили? Преступлений я не совершал, в шпионских играх спецслужб участия не принимал, хакером не подрабатывал, с женой президента не спал. Я — обычный инженер, какие у нас на каждом шагу. И вся моя жизнь — от работы до дома, от зарплаты до зарплаты... Вот, кстати, кто-то там по коридору плетется, подошвами шаркая, — не иначе контролер местный. У него и спросим.

Шел тюремщик очень медленно. Каждый его шаг долго и протяжно скреб по бетону, отражаясь трескучим эхом по длинному коридору. Где-то минут через пять шаркун добрался до моей камеры. По ту сторону решетки в дрожащем свете лампы высветилось грузное тело в блеклом мышинном мундире с множеством пуговиц. На его голове криво сидела когда-то форменная, а ныне — совершенно бесформенная фуражка с длинным козырьком, бросавшим тени на серое, заросшее многодневной щетиной лицо. Чуть ниже болталась цепочка, на которой висел какой-то ржавый ключ.

Подойдя к решетке, толстяк остановился, неуверенно потрогал замок и застыл, склонив голову.

— Послушайте, как вас там?.. — неуверенно произнес я, так и не дождавшись никаких вступительных или объяснительных слов. — На каком основании меня тут заперли? Кто вы вообще? Кто ваши хозяева? Если уж я признан ими опасным врагом — меня хотя бы кормить будут? Или вы решили меня уморить голодом? Дайте хоть воды попить — я от жажды тут скоро сдохну!

Ответов я так и не получил. Грузная фигура все так же безучастно стояла по ту сторону решетки. Набравшись смелости, я подошел поближе, встряхнул лампой и просунул руку наружу, пытаясь рассмотреть лицо тюремщика. Вот это действие уже вызвало его реакцию: сделав шаг вперед, фигура в форме потянулась растопыренной пятерней, пы-

таясь схватить меня за руку. Но я вовремя ее отдернул — и тюремщик нехотя снова отступил на шаг от решетки. Еще немного постояв там, он развернулся и пошаркал в обратном направлении.

А я медленно сполз на пол по стене камеры — потому что меня колотил сильнейший озноб. Потому что я только что пару секунд стоял лицом к лицу с живым мертвецом. Это было невозможно, казалось невысказанным в моей реальности, но человек, у которого кожа походила на старый потрескавшийся пергамент и у которого отсутствовала большая часть носа, а на месте одного из глаз находилась черная запавшая глазница, — живым быть никак не мог!

А вслед за этим случилось открытие, которое и вовсе повергло меня в ступор. Я — был не я! Я, пребывая в сознании и (предположительно) здоровом уме, находился в совершенно чужом теле! Руки были точно не мои. Руки программиста — тонкий инструмент, мозолей на них не бывает по определению, разве что от мышки компьютерной. А имеющиеся в наличии руки были не в пример более грубы и грязны, особенно под ногтями.

Зато, в отличие от моих узловатых инженерных пальцев, у этого тела пальцы были гораздо более гибкие, тонкие и изящные — то ли аристократические, то ли воровские. Тело было тоже не мое — более стройное, худощавое и очевидно более молодое. Волосы — густые, волнистые, насыщенного каштанового цвета, не стрижены давно, аж до плеч отросли. Усы имеются в наличии и борода клинышком — хозяин ее старательно отращивал. Ну-ка, посмотрим, что у нас там имеется дальше... ниже. М-м, это уже точно не мое...

В этот момент я на почве череды нервных потрясений, похоже, отключился ненадолго. Но вновь пришел в себя, когда из коридора опять донеслось шарканье. Что-то брякнуло о решетку, и в щель под нею просунулась сначала алюминиевая тарелка с запакованным в слюдяную пленку серым брикетом, а потом — алюминиевая приплюснутая фляга в брезентовом чехле, емкостью примерно литр, явно не пустая.

«Технология явно военная. Но сколько же лет минуло с той войны?» — подумал я, удивленно рассматривая поясной чехол от фляги. По идее, брезент — это материал редко-стно прочный, почти вечный. Сколько же должно было пройти лет, чтобы брезент закаменел?

В накладном кармашке фляги обнаружились таблетки. Белые диски с оттиском капли в круге были запакованы в рассыпающийся от прикосновения целлулоид. Диаметром таблетки идеально совпадали по размеру с горловиной фляги и, скорее всего, предназначались для дезинфекции воды. Сама по себе вода во фляге на вкус была затхлой и с характерным привкусом металла — так что я рискнул запустить туда таблетку. Она растворилась внутри с характерным шипением — видимо, срок годности этих таблеток был практически бесконечным. Пить образовавшуюся мутную белесую взвесь было противно, но выбирать не приходилось.

Окаменевший брикет по виду походил на пропущенный через терку и спрессованный серый пластик. После того как я, отчаявшись отгрызть от ископаемого продукта хотя бы кусочек, решил размочить его водой в тарелке — брикет разбух, увеличился объемом вдвое и оказался дальним родственником быстрорастворимым макаронам. По вкусу этот субпродукт напоминал вареные опилки, но зато голод утолил совершенно — разбухнув в желудке еще как минимум вдвое. Видимо, тоже что-то армейское на местный лад — простая и дешевая еда без срока годности, для рядового состава. Сначала фиг прожуеть, потом — хрен переваришь.

«Не на Земле я — зуб даю. У нас такое извращение точно не производят! — оформилась наконец шальная мысль. — И я более чем уверен, что у нас ни в одной армии мира покойники в штатном расписании не состоят. И вообще все это очень странно выглядит. Уж не тронулся ли я, часом?»

Затолкав обратно в щель под дверью пустую посуду, я вскоре услышал знакомое шарканье: зомби-тюремщик забрал посуду и взамен протолкнул под решетку алюминиевую кастрюльку с крышкой. Назначение ее тоже вроде бы

было понятно по функциональному назначению, поскольку в самой камере отхожего места не наблюдалось. Да и после такой убойной еды емкость пригодится наверняка, и как бы даже маловата не оказалась.

В этот раз я, осмелев, приблизил лицо к самой решетке и разглядел уходящего мертвеца сзади — мундир на его спине разошелся по швам, сквозь которые виднелись белые ребра. Также стала понятна причина такого жуткого шарканья — покойник протер каблуки на башмаках до костей, и теперь оттуда торчали голые костяные пятки.

«Сколько же лет надо было так бродить, чтобы башмаки о бетон истерлись насквозь? — подумалось мне. — Год от года, век от века мертвый надзиратель проверяет камеры, в которых уже давным-давно никого нет. Но если сиделец все же появляется — надзиратель делает то же, что делал и при жизни: кормит арестанта, выносит его испражнения и, самое главное, — не дает сбежать. А что — удобно в каком-то смысле. Работа выполняется, и платить за нее не надо — мертвецу деньги ни к чему».

Присев на уже облюбованном пяточке на останки развалившегося матраца и поджав под себя окованные босые ноги, я задумался: как же все это со мной случилось? Как я одновременно смог оказаться не просто в другом мире, но в мире с принципиально иным мироустройством? Причем в теле обитателя какой-то сельской местности — не то крестьянина, не то лесного разбойника. Мысли мои вновь и вновь воспроизводили хронику злополучного дня, пытаюсь уловить хоть какую-то логику.

Утром я, как обычно, пришел на работу. Немного опоздал — бывает и такое, благо никто с таймером над душой не стоит. Лишь бы задания руководства были выполнены, отчеты сделаны, а работы произведены вовремя. Нас в техническом отделе несколько человек. Штат невеликий, все знают друг про друга, кто чем занимается, поскольку и подменять иногда приходится: людям свойственно болеть и ходить в отпуски.

Наш сисадмин Сашка Ерохин в тот момент как раз и пребывал в отпуске — грел свое бледное пузо где-то в Турции, бессовестно игнорируя входящие звонки. И надо же было так случиться, что на второй неделе его отсутствия накрылась сеть в одном из районных офисов. Там и народу-то полтора человека: тетушка лет сорока и ее дочка на полставки. Обе не шибко грамотны в общении с компьютером, ничего внятного сказать не могут, но жалобами своими всех достали, до кого дозвониться смогли.

Мой начальник, Арсений Петрович, терпел это дело день, терпел другой. А на третий — вытряс у шефа его служебную «Камри» с водителем и отправил меня в район, в качестве «скорой технической помощи». Директор Арам Эммануилович расщедрился не просто так — армяне вообще ничего и никогда просто так не делают. Накануне у племянника шефа заглянул ноут, и бесправным холопам «барона Арама» вновь пришлось выполнять феодальную повинность.

В то утро Петрович был какой-то сам не свой, когда от шефа пришел. А когда мне командировочный лист выписывал, то пробурчал что-то типа: «Там такие, брат, дела — финита ля комедия... Похоже, в последний раз едешь».

Я тогда торопился, не успел спросить, что к чему. Да и не придал его словам особого значения. Племянник шефа жил в какой-то облезлой хибаре в частном секторе и по-русски говорил плохо — чаще по-английски что-то лопотал. А уж добиться от него внятных объяснений на предмет поломки оказалось и вовсе невозможно. Я подключил свой ноутбук и провел диагностику клиентского ноута. Операционка запускалась нормально, все оборудование распознавалось, но при включенном модеме устройство не подключалось к сети и не видело ни одно беспроводное соединение. А мой ноут, соответственно, не видел его сигнал. В общем, надо было долго разбираться, что к чему. А времени у меня уже не оставалось, в районный офис нужно было добраться еще до обеда.

Оставив Петровича в компании с моим ноутбуком разбираться с глючным армянским железом, мы с водителем Гариком через полчаса уже были на трассе М7, которую бывалые за глаза называют «дорогой смерти». Это сплошной поток фур в обе стороны, и при этом в каком-нибудь месте обязательно ведутся дорожные работы, отчего образуются огромные пробки. Постояв в них полчаса, даже опытные водилы звереют. Что уж тогда говорить о молодых да горячих, которые лавируют в потоке, обгоняют слева и справа и вечно торопятся куда-то успеть. И порою не успевают уже никуда.

Вот один такой мажор на красном спорткаре, выбравшись на свободу, увидел перед собой пустую дорогу и втопил газ до отказа. Обходя на спуске как стоячего какого-то отечественного ветерана-тихохода, лихач цепанул колесами придорожный гравий. Тотчас его повело, развернуло, приложило об идущий следом груженный тягач и, словно пушинку, перебросило через бордюры. На скорости под сотню кэмэ полторы тонны железа вылетели на запруженную встречу и понеслись там, прыгая и крутясь, словно колесница смерти, сметающая всех и вся на своем пути.

Мы с Гариком видели все это и были бы несказанно рады убраться с пути стремительно приближающегося красного болида, но из потока не выскочишь. К тому же водитель впередиидущего «кадиллака» резко ударил по тормозам, и мы, резко отвернув, встряли в щель между ним и отбойником. Еще пару секунд мы тупо смотрели, как куврыкающийся металлический молот летит прямо на нас. Потом последовал удар, и...

Стоп-кадр! Удар был чуть-чуть позже, на пару секунд. А перед этим я упал. Не в метафорическом смысле, и не ощущениями, и не духом. Просто упал с высоты. Скорее всего, с дерева, поскольку в последние пару секунд вокруг меня промелькнул калейдоскоп из веток, листьев и кусочков серого неба. Вот тогда уже последовал жесткий удар и

темнота. После чего в памяти случился провал, и я очнулся уже здесь, на трухлявой подстилке в бетонной тюрьме.

Что бы это значило? И как я вообще это смог запомнить и удержать в голове? Я где-то читал, что в минуты смертельной опасности внутреннее время человека словно бы замедляется. А память, наоборот, резко обостряется и фиксирует каждую мелочь. Но одно дело — читать, скептически относясь вообще к этой сомнительной теме, и уж тем более не прикладывая сие к себе любимому. А совсем другое — реально пережить это самому.

Хотя с другой стороны... Мозг человеческий — материя тонкая, и его сотрясение может привести к удивительным последствиям. Вполне возможно, что все это вокруг меня — одна сплошная галлюцинация, причем с очевидными логическими нестыковками. Очень даже может быть, что я на самом деле никуда не перемещался, а в настоящий момент лежу в реанимации, в искусственной коме и смотрю затяжной сон про мой залет в чужое тело и в иное измерение. Чтобы выйти из комы, мне, скорее всего, достаточно покинуть эту камеру, которая, условно говоря, является моей черепной коробкой. Да, это непросто, но выход из нее обязательно должен быть. Ведь я эту камеру сам и создал, силами своего воспаленного подсознания. И сам создал правила, которым сам же и должен следовать.

Однако как же жутко в гостях у подсознания... И холодно — в мешковине на голое тело. Мертвый надзиратель мне фуфайку точно не принесет — по причине своей безмозглости он даже не поймет, что мне нужно. Так что надо срочно утеплиться, пока я тут совсем не окошел. Даже если для этого придется позаимствовать одежду у своего соседа по камере. Ему-то она уже точно не понадобится.

Так, преодолев страх (а ну как и этот встанет?.. — мне-то от него тут никуда не деться!) и придушив на корню брезгливость, я подошел к нише, где навечно упокоился безымянный заключенный. Одет он был вполне по местному климату — что-то вроде длинной шерстяной парки. А на но-

гах мертвеца были расшитые сапожки с меховыми отворотами.

Но не везет так не везет! Этот покойник пролежал здесь так долго, что мумифицировался вместе с одеждой. И парка при неловкой попытке ее снять развалилась прямо у меня в руках, открыв ремень, на котором висело что-то вроде поясной сумки. В ней обнаружили черный обкатанный продолговатый галечный камень размером с пол-ладони, толстый стеклянный фломастер с засохшей черной краской — странный гибрид маркера и чернильницы, обычный с виду грифельный карандаш и кусок плотного картона, сплошь исписанный с двух сторон аккуратным убористым почерком.

Размером чуть больше ладони, картон походил на обложку блокнота. А судя по наличию множества металлических колец на одном из краев — ею когда-то и был. Обычный такой блокнот из обычного земного магазина канцелярских товаров. У меня был такой же — в клеточку, с черным большеглазым удивленным котом на обложке, и его маленькой копией в углу на каждой странице. Когда быстро перелистываешь страницы — создается ощущение, что кот улыбается и подмигивает тебе. Но это лишь игра воображения — иллюзия, созданная сознанием. Потому что на самом деле кошки никогда не улыбаются. И уж точно никогда не подмигивают.

Мне подарили этот блокнот в первый день, когда я устроился на работу. Помнится, тогда я собирался записывать в нем ценную информацию. Но так получилось по жизни, что ценная информация всегда оставалась в моей голове. А блокнот оставался девственно чистым и со временем стал чем-то вроде талисмана. В дни, когда бытовая депрессия явно брала верх, — я пролистывал блокнот, и глазастый котофей задорно подмигивал мне, как бы говоря: «Не все еще потеряно! Все проблемы — они только в твоей голове. И в твоих силах их решить». И я — решал.

Этот блокнот был при мне и во время аварии. Сколько дней уже прошло после нее? Или уже не дней? В нижнем

правом углу пожелтевшей от времени обложки отчетливо была видна рукописная цифра — «33». Почему я не удивляюсь, что она совершенно совпадает с моим возрастом? Текст оказался написан на русском языке, и это меня тоже почему-то совсем не удивило.

Но вот сам текст...

«Вот и последняя страница. Как много еще хочется сказать, и как мало осталось чистой бумаги... Но думаю, ты со временем сам во всем разберешься. Кто я? У меня много имен, все их тут не перечить. Чаще всего враги называли меня Многоликим, а друзья — Шутником. Мое настоящее имя ты тоже однажды узнаешь и, возможно, удивишься. А пока что можешь называть меня Странником.

Вселенная, в которой ты находишься, называется Эквilibриум. В ней расположены сотни звезд, объединенных космическим потоком магического эфира, — все вместе они называются Созвездие. Примерно полторы сотни планет Созвездия обитаемы — почти все они заселены или же когда-то были заселены человеческими цивилизациями с уровнем развития земного Средневековья.

Я посетил многие миры Созвездия: где-то мои деяния запомнили на века, а где-то забыли на следующий день. Я низвергал с трона злодеев и давал надежду отчаявшимся беднякам. Я строил замки и города. Я изучил многие тайные знания, постиг секреты высокой магии и прожил сотни лет интересной и увлекательной жизни. Я покорял страны, правил мирами и создал звездную торговую империю. Я общался с богами миров Созвездия и почти достиг их уровня. Но есть лишь одно свойство, которое отличает человека от бога и которого человеку никогда не достичь, — бессмертие.

Мне кажется, я нашел решение и этого вопроса, но проверить это можно только опытным путем. Мой друг, сейчас ты находишься в подземном ракетном бункере давно погибшего мира, местонахождение которого не известно никому, даже мне. Это — мое тайное убежище, точка экстренной эвакуации, и попасть сюда не может никто — кроме

меня. Да я и сам оказался здесь в результате случайного стечения обстоятельств. Если ты сейчас читаешь эти слова — значит, трюк удался. Значит, я смог обмануть смерть и вернуться оттуда, откуда еще никто и никогда не возвращался. Значит, управляемая реинкарнация возможна. Значит, ты — это я.

Чтобы вернуться к достигнутым мною высотам, тебе не надо будет полжизни скитаться по мирам, потому что я все подготовил для твоего/своего возвращения. Просто следуй путем оставленных мною подсказок — ты найдешь их на листах блокнота. Эти листы зачарованы — они не горят, не гниют и практически вечны. Следующий лист ты найдешь в ящике у шлюза грузового лифта, пойдя направо по коридору до поворота и спустившись по лестнице на нижний уровень.

В бункере на верхних уровнях бродит с десятков местных неживых обитателей — бояться их не стоит, но все же не советую попадаться им под руку. Более-менее съедобные продукты в бункере можно найти, если покопаться на складах уровнем выше. Но в основном там хранятся целлюлозные армейские сухпайки, а их я есть не советую — пронесет с непривычки.

Кстати: в бункере всегда холодно, как в пещере, а ты вряд ли морозоустойчив. Поэтому не забудь заглянуть в ящик в камере напротив — там хранится теплая одежда. Ржавый ключ от этой камеры висит на шее. Ну, как говорится — в добрый путь!»

Ключ лежал рядом, на полуистлевшей веревочке. Снимая его, я вгляделся в сморщенное, обтянутое серой потрескавшейся кожей лицо Странника. Боюсь, друг, что эксперимент с реинкарнацией не удался. Не помню я решительно ничего из того, что ты тут понаписал. Даже если все это правда, а не плод моего воспаленного воображения. Да и вообще ничего общего у нас с тобой нет. А то, что я оказался в этом бункере, — просто роковое стечение обстоятельств из разряда «один на миллион». Если ты сюда однажды слу-

чайно залетел, то рано или поздно кто-то когда-то должен был снова сюда попасть.

Хоть и сложно поверить в реальность происходящего, но, так или иначе, выход из камеры найден. А мне надо срочно утепляться, пока в сосульку не превратился. Я еще раз посмотрел на воображаемый рисунок над нишей, где упокоился бывший властелин миров. Теперь все тот же смайлик обнадеживающе мне улыбался. Игра воображения, однозначно.

Спустя минуту у меня случился нервный срыв — *этот* ключ к *этому* замку не подходил!!! Я орал изо всех сил, тряс решетку, бил кулаками о пол и покрывал яростными матюгами местных покойников и шутника-реинкарнатора, который повесил нужный мне ключ на шею зомби-тюремщика! На цепь, которую голыми руками мне в жизни никогда не порвать!

Потом случился катарсис: неопределенно долгое время я тупо валялся в углу на подстилке, и мне было все равно, что дальше будет со мной. Потом... Потом целлюлозный брикет закончил свои натужные странствия по моим внутренностям, и днище у меня пробило с такой силой, что в кастрюльке осталась только половина из извергнутого. Другая половина живописно украсила стены камеры, отчего дышать здесь стало совсем невыносимо.

И я таки решился. Когда надзиратель прибрел за наполненным горшком, я проделал уже однажды сделанный маневр — высунул руку с лампой через решетку. Когда же мертвый толстяк попытался ее схватить и придвинулся к решетке — я отдернул руку со светильником, а другой рукой схватился за болтающуюся цепь на его шее, потянул на себя и всадил внатяг между цепью и прутьями решетки тот самый продолговатый черный камень, что нашелся в сумке у Странника. Будем надеяться, что он предполагал именно такой трюк для добычи ключа, поскольку ничего более подходящего в камере просто не было.

Пойманный на цепной аркан, зомби сделал пару неудачных попыток выпрямиться. А потом мертвец вцепился обеими руками в решетку и дернулся так мощно, что стальные прутья под его пальцами прогнулись! Казалось бы, от такого удара шея просто переломится. Но нет — с шеей ничего не случилось. А вот цепь не выдержала — лопнуло звено, зажатое между галькой и ребром ключа.

Я ощупал нагревшийся ключ и ужаснулся той необузданной магической силе, что была заключена в мертвом теле. И только сейчас понял — как рисковал, дразня зомби светом. Попадись ему в захват моя рука — он бы сломал ее, как тростинку. Так что лучше мне от таких ходячих подальше держаться и при встрече убежать побыстрее.

Тюремщик меж тем, нисколько не озаботившись пропажей своего украшения, сгреб кастрюльку с моим «творчеством» и неспешно ушаркал восвояси. А я, как только затихли шаги вдалеке, открыл добытым ключом замок камеры, с усилием отодвинул тугой засов и тихонько выбрался наружу, напоследок решив вернуть замок на место, чтобы местный хозяин зря не беспокоился.

И потом долго еще крыл на чем свет стоит — и покойного Шутника, и себя, долбодятла. Оказалось, что одна из петель, на которых висел замок, была подпилена, и засов преспокойно отпирался сам по себе. То есть замок исполнял роль декорации, а камера, по сути, была не заперта, и я в любой момент мог преспокойно выйти оттуда! Без всякого риска от заигрывания с зомби! Причем я с самого начала видел ту самую ножовку по железу, которой подпиливали замок, — она лежала на ящичке в камере напротив! И я, прошедший по молодости не один десяток компьютерных квестов, не смог дотумкать, что не просто так она там лежит!

Видимо, следующей моей целью будет выбраться из бункера. Странник не сказал, как это сделать. Возможно, про это будет сообщено в очередных подсказках. Ключ, снятый с мумии бывшего властителя миров, открыл за-

мок на соседней камере. В алюминиевом ящике на колесах нашелся целый ворох теплой одежды, но большая часть ее была настолько стара, что разваливалась прямо в руках. Кожа и ткань не пережили сотен лет хранения, поэтому годилось к носке лишь то, что было сделано из искусственных материалов и на брезентовой основе. В результате я стал обладателем пары брезентовых сапог на искусственном меху, пары рукавиц из того же брезента, долгополого стеганого кафтана с ватным утеплителем и... армейской *каска-ушанки* (сам бы не поверил, пока не увидел!).

В комплекте к кафтану прилагался наборный бронежилет из стальных пластин — видимо, экипировка местного спецназа. Но его я оставил — очень уж тяжелая штука, весит под десяток килограмм, и в нем от зомби точно не убежишь.

В нише этой камеры стоял ящик с инструментами, в котором лежали пара динамо-ламп, бухта электрического кабеля, несколько мотков стального троса, кирка, клещи, ручная дрель, несколько упаковок крупных гвоздей и монтировка. Трос я, пожалуй, возьму — мало ли где сгодится вместо веревки. Да и монтировка мне может пригодиться. Если придется что-то ломать в процессе освобождения — сей инструмент в комплекте с пилой по металлу будет отличным подспорьем.

Вполне серьезно подходя к вопросу подбора снаряжения для предстоящего похода по бункеру, я в то же время не верил в реальность происходящего в целом. По характеру происходящих событий создавалось отчетливое ощущение, будто меня запахали в какую-то компьютерную игру. Или, что более вероятно, — компьютерную игру типа РПГ запахали в мой мозг. Логика таких игр проста: будешь двигаться в заданном направлении и действовать согласно сценарию — станешь получать плюшки. Будешь проявлять своеволие, отклонишься в сторону — в лучшем случае не получишь ничего, а в худшем — тебе там накостыляют от души. Жаль только, сохраняться в этой игре нельзя, и этим она очень похожа на настоящую жизнь.

Глава 2

БУНКЕР И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Итак, мы начинаем... Тепло одетый, уже не голодный, условно вооруженный и сильно воодушевленный, я отправился на поиски означенного спуска на нижний уровень. Согласно записи на обложке блокнотного листа, путь мой лежал направо — в сторону, противоположную той, куда уходил мертвый надзиратель. Дальше по коридору располагались и другие камеры. Когда-то тюремные, потом они поменяли назначение, став погребальными. Фактически я сейчас шел через местное кладбище.

Коридор тюремного изолятора заканчивался еще одной решеткой — глухой, без каких-либо намеков на двери. Но, как примерно говорил Архимед, — дайте мне рычаг с соответствующим плечом, и я переверну весь мир. Плеча монтировки хватило, чтобы даже силами моего ослабленного тела раздвинуть проржавевшие прутья скруткой из троса — тем более что аналогичную операцию здесь, видимо, уже кто-то проделывал до меня. Я-то теперь сквозь решетку пролезу, хоть и с трудом. А вот толстый тюремщик — вряд ли.

Далее я оказался в помещении, напоминавшем холл грузового лифта. То есть оно, по всей видимости, и было когда-то таковым — пока обитатели бункера не замуровали проем входа в лифтовую шахту. Не понимаю, зачем это было сделано, и это настораживает. Возможно, в бункере, когда он еще был обитаемым, случилась какая-то авария. Тем более надо быть осторожным.

С другой стороны холла имелись распашные, обшитые металлом двери, и за ними коридор продолжался. Только теперь он шел через госпиталь, в котором царил форменный разгром: медицинское оборудование стояло не к месту или вообще было опрокинуто, на полу валялись россыпями упаковки бинтов и ваты, коробки с таблетками, шприцы, различные инструменты и эмалированные биксы. Но чаще

всего попадались медицинские бахилы: целые и порванные, поштучно и в упаковках, они были разбросаны всюду. Видимо, вопрос дезинфекции был в бункере болевой точкой.

Когда я был маленьким, то ужасно боялся больниц, считая (не факт, что необоснованно!), что людей там залечивают до смерти. Родители рассказывали, что, когда меня туда пытались затащить, я орал как резаный и упирался руками и ногами, сколько хватало сил. С возрастом ума прибавилось, но детский страх перед медициной навсегда остался где-то в глубинах подсознания.

И вот сейчас этот давно забытый комплекс напомнил о себе во всей красе. При одном виде мертвого госпиталя у меня так затряслись поджилки, что я несколько минут стоял и собирался с духом — чтобы просто туда войти. Не заглядывая в боковые помещения, стараясь не шуметь и даже не дышать, я осторожно пробирался между капельницами, приборными столиками и медицинскими стеллажами к дальнему концу коридора, где чернел заветный выход.

И вот, когда я уже миновал половину пути, за моей спиной что-то резко брякнуло о пол и задрбило затухающим звоном. Медленно, словно во сне, я обернулся, и волосы на голове реально встали дыбом, приподняв ушастую каску. В призрачном бледном свете затухающей лампы в нескольких шагах от меня маячила фигура в медицинском халате и круглой шапочке. В вытянутой руке фигура сжимала пачку бахил. А в другой, опущенной, руке тускло поблескивал скальпель.

Так, как в этот раз, я в жизни никогда не бегал — чуть сердце из груди не выскочило! Вылетев из госпитального отсека, я захлопнул за собой дверные створки и воткнул монтировку между их ручками. Отойдя на пару шагов, я разглядел надпись, нарисованную маркером на металле: «Осторожно, злой доктор! Без бахил — не входить! И с бахилами — тоже!» И размашистая улыбка на половину двери.

Вот же сволочь ты, Шутник! Не мог написать это на дверях с другой стороны госпиталя! Хотя... Я, наверное, сам

виноват — не в ту сторону пошел. В записке ясным по белому было сказано — направо идти! Я направо и повернул, только из камеры напротив. Но назад теперь уже не вернешься — придется искать другой путь.

Сразу за дверями медицинского отсека коридор поворачивал налево под девяносто градусов, и с обеих сторон вдоль него, сколько хватало обзора, в темноту уходили ряды огромных цистерн. Здесь были уже не коридоры, а сводчатые тоннели, причем пробитые в скале. Непосредственно на повороте как раз и находилась лестница, ведущая вверх и вниз. Согласно инструкции, я спустился на пару уровней, нервно подкручивая динамо-лампу и шараясь от каждой тени в темных углах и проемах.

На шестом уровне лестница сделала три витка в пустоте, спустившись на платформу небольшой подземной железнодорожной станции. Когда-то здесь разгружались целые составы — по рельсам сюда доставляли все, что потом было использовано при строительстве и оборудовании бункера. С ближней стороны платформы рельсы уходили в монолитную бетонную стену, которую возводили явно в спешке — местами из бетона торчали черные остатки окаменевшей опалубки.

Сама платформа была наполовину заставлена грузовыми контейнерами разных размеров. Большинство из них открыты и пусты, но изредка внутри можно было разглядеть оборудование непонятного назначения, иной раз даже не распакованное.

На путях в дальней части станции на вечном приколе застыл железнодорожный состав — паровоз, сцепленный с ним угольный тендер и шесть грузовых вагонов с открытыми створками дверей. Рядом с ним, на соседних путях стоял агрегат размером поменьше — маневровый мотовоз. Вагоны разгружались с помощью кран-балок, установленных под потолком, а уже потом нужное оборудование тем же способом доставлялось к шахте грузового лифта либо перекидывалось на узкоколейку с другой стороны платформы — там до сих пор стояли грузовые дрезины.

Напротив разгруженного состава платформа была в два яруса заставлена контейнерами, которые в свое время даже не успели рассортировать и отправить по назначению. Кофры, коробки и ящики громоздились штабелями в рассохшихся от времени деревянных каркасах или же просто валялись среди слежавшегося мусора, бывшего ранее упаковочным материалом. Где-то там, за контейнерными баррикадами, находилась еще одна лестница, по которой я, согласно картонному плану, и должен был спуститься.

Теоретически должен был. Потому что по факту все лестничные пролеты, находившиеся внутри станции, обвалились и представляли собой груду бетонных обломков вперемешку с разбитыми ящиками и торчащей во все стороны арматурой. Причем обвал случился совсем недавно. Вероятно, причиной тому было землетрясение, оставившее сеть трещин как на самой платформе, так и на примыкающей к ней стене шахты грузового лифта.

Вход в шахту размещался в центре платформы — проем там тоже был забетонирован, но в его центре размещалась массивная литая бронедверь с рукоятью-колесом. Вероятно, это и был шлюз. На двери желтой краской был намалеван узнаваемый во всех мирах знак — череп и скрещенные кости. А чуть пониже — уже знакомый смайлик со стрелкой вниз и лаконичной надписью: «Внимательно изучить!»

Перед дверью шлюза стоял багажный ящик — наглухо заколоченный и укрепленный металлической лентой. А на нем, покрытый густым слоем пыли, лежал эмалированный жестяной лист с планом эвакуации бункера, испещренный характерными стрелками. Надписи на плане были сделаны на неизвестном мне языке, что-то вроде скандинавской рунической письменности. А рядом уже знакомым почерком Странника были нацарапаны русские комментарии.

В принципе тут все было понятно на уровне интуиции, и через несколько минут я уже вполне себе представлял устройство бункера. Его центр являл собой ракетную шахту, в которой размещались стартовые столы четырех балли-

стических ракет, и еще две шахты поменьше: грузовая и вентиляционная.

Сам бункер, опоясывающий шахты квадратным периметром, состоял из шести уровней. На первом размещались командный пункт, узел связи, служебные помещения и офицерские кубрики. На втором этаже находились казармы для рядового и сержантского состава, а также оружейная комната. На третьем — кухня, столовая, тренажерный зал, продовольственные и вещевые склады. В четвертой секции размещались тюремный изолятор, медсанчасть и водяные цистерны.

Пятый этаж был техническим — там находились водяные насосы, вентиляторы, системы очистки воды и воздуха. На шестом уровне, помимо железнодорожной станции, размещались пещеры, в которых хранились запасы антрацитового угля. Примерно четверть всей площади уровня занимало огромное, ныне навеки замершее сердце бункера — угольная электростанция. На плане она была покрашена розовым цветом, а поверх нее было нацарапано и даже подчеркнуто: «Химическое загрязнение! Без противогаса не входить! В шлюзе происходит автоматическая дезактивация!»

Ну и, как говорится, чем дальше — тем страньше: на самой ракетной шахте красовалась дважды подчеркнутая надпись: «Разгерметизация! Радиационное заражение! Выход наружу без скафандра категорически не рекомендуется! В случае возвращения — немедленная дезактивация и противолучевая терапия!»

У-у... Как же тут у вас все запущено... Если возвращение оттуда — дело случая, то я туда даже в скафандре не полезу! Это точно не выход! Тогда где же? Выхода не может не быть!

Я более внимательно рассмотрел план бункера. Судя по стрелкам эвакуации, шлюзовых выходов на поверхность здесь имелось три. Один вел в электростанцию (не вариант!), в которой сохранился единственный вход в вентиляционную шахту. Вход в грузовой платформенный лифт был прямо пере-

до мной, но сам лифт размещался в ракетной шахте (тем более не вариант!). И еще один небольшой шлюз на первом уровне открывался в шахту запасного выхода. Вот она-то и была помечена надписью «Выход? Снять показания счетчика внутри!». И ухмыляющаяся рожица рядом — видимо, фирменный бренд Шутника.

Какого еще счетчика? Нет, я догадываюсь, что это за счетчик. Но где он? Разве что здесь же, в ящике заколоченном. Вот для чего нужна была монтировка. М-да-а... Теперь уже придется руками работать. «Теперь» — это после того, как мои творческо-воровские руки, не приспособленные к рабочим инструментам, при попытке вскрыть ящик сломали единственное полотно у пилы по металлу.

Воевал я с ящиком долго и безуспешно — пока посредством пинков отчаяния не выяснил, что потрескавшиеся от старости стенки контейнера вполне поддаются этим самым пинкам. Так в моих руках оказался местный счетчик радиации, размерами и формой напомилавший первые армейские радиостанции. Примерно с такими же наши диверсанты в Отечественную забрасывались в тыл к немцам. И вот с этим гробом, батарея которого заряжалась от упакованной в наплечную сумку ручной динамо-машины (которая и сама весила немало!), мне предстояло взобраться на шесть этажей вверх, попутно увертываясь от бродячих мертвецов.

Задача казалась воистину невыполнимой. Если только снять показания прямо здесь, за этой дверью... Громоздкий скафандр, сделанный из освинцованной резины и напоминающий старинный водолазный костюм, я видел в открытом ящике неподалеку. Там же находились воздушный компрессор и баллоны с дезактиваторным хлорно-известковым порошком. Возможно, мой предшественник в свое время уже делал вылазку наружу и приготовил все необходимое.

Решусь ли я на это? Хм, большой вопрос... Во всяком случае, надо сначала убедиться, что сам счетчик еще работает. Ничего сложного в этом устройстве не было: на ящике имелись штекер для входящего кабеля, табло заряда аккумуля-

муляторной батареи, пусковой тумблер и табло самого счетчика со стрелкой и разноцветной шкалой: от белого, безопасного уровня, к черному — смертельному. Подсоединив прибор к машинке, я крутил ее рукоятку минут двадцать — пока батарея счетчика полностью не зарядилась. Однако уровень заряда быстро падал — видимо, аккумулятор сдох за давностью лет.

Когда я включил тумблер — внутри прибора что-то зашипало и закрутилось. Стрелка радиометра, подрожав в раздумье, резко ушла в черную зону до предела и уперлась в край прибора. У меня внутри словно все оборвалось — по всей видимости, недавнее землетрясение нарушило герметичность ракетной шахты на этом уровне. И я, бродя по платформе, уже давно надышался радиоактивной пылью и получил смертельную дозу радиации.

Ноги словно сами собой подкосились. Я несколько раз включал и выключал тумблер — результат был один и тот же. С досады я треснул по прибору кулаком, и его крышка отскочила. Внутри обнаружилось что-то вроде ниши для документации, в которой лежала небольшая книжица — вероятно, инструкция по эксплуатации прибора. А поверх нее — блокнотный листок с номером 32.

«Мой друг, покорнейше прошу извинения за эту маленькую шутку — я поменял провода на контактах счетчика. На самом деле радиационный фон в бункере хоть и повышенный, но человек без особого ущерба для здоровья может пребывать здесь достаточно долго. Наружу выходить не рекомендую. Я проверил: в ракетной шахте и на поверхности над нею нет ничего интересного. Зато фонит там очень прилично, и вряд ли что-то изменится в ближайшие пару тысяч лет.

Теперь к главному: это была первая проверка — на тот случай, если мой Враг все-таки сумеет проникнуть в бункер. Я знаю, что это невозможно — даже вся магия вселенной не поможет попасть в место, где ты никогда не был. Но за свою сверхдолгую жизнь я не раз сталкивался с ходом событий, который казался невозможным даже теоретиче-

ски. Но тем не менее единожды они имели место случаться.

Поэтому я предпринял некоторые превентивные меры, заложив бомбу в эвакуационной шахте. Я надеюсь, ты туда не полез? Не должен был, потому что ты — это я в новой версии. Я бы сразу понял, что это — розыгрыш. А вот мой Враг шуток совершенно не понимает. Далее будут еще две проверки — ты их пройдешь с легкостью. Но, конечно, только в том случае, если ты — это я. Если же это не так — ты, скорее всего, пополнишь ряды местных жмуриков. Следующий лист ждет тебя на первом уровне — в сейфе кабинета начальника ракетной базы».

Кто же твой враг? Не просто какой-то там «враг», а Враг с большой буквы. Если наш творец цивилизаций его так уважал — значит, мне-то уж точно стоит обходить его стороной. А пока что я отправляюсь наверх, искать владения зомби-босса. Для меня сейчас и такой враг более чем опасен. Впрочем, у меня в процессе блуждания по бункеру появилась идея — как обезопаситься от ходячих трупов.

На верхний этаж бункера я поднялся спокойно — зомби не жаловали своим вниманием лестницы. А вот в коридорах служебной зоны мне встретились два мертвеца в серой униформе и с карабинами за спиной, патрулирующие уровень. Одного, уходящего, я увидел в спину, зато на другого потом чуть не налетел, поворачивая за угол. Благо успел отскочить вовремя, а когда мертвяк потянулся за оружием — накинул ему на шею петлю из троса и резко дернул на себя.

Хоть бродячие мертвецы и обладали невероятной силой, но с координацией у них было совсем плохо. Караульный так и растянулся плашмя, выронив оружие, а я тут же накинул ему на ноги вторую петлю — уже самозатягивающуюся. Так что сколь зомби теперь ни силился подняться — уже не получалось. Он только сильнее укоротил трос у себя за спиной и замер так, в позе лягушки.

Удачно получилось — даже лучше, чем я рассчитывал. Вряд ли этот вояка сможет освободиться самостоятельно и

не оторвать при этом свою же голову. Жаль только троса у меня маловато — лишь один моток остался.

А мой арсенал пополнился длинным карабином, напоминавшим «мосинку» начала двадцатого века, с патронным магазином. Были ли там внутри патроны, сказать сложно — оружие сотни лет не использовалось и не смазывалось, потому ни одна из его частей не двигалась, и использовано оно могло быть только в качестве дубинки. Или же копыя — к стволу был примкнут штык-нож вполне сносного качества.

Кабинет начальника базы нашелся довольно быстро. На его двери красовалась надпись Шутника: «Секретарша обожает цветы!» — и букет искусственных роз рядом с дверной ручке торчит. Ну спасибо, хоть чем-то помог.

В приемной за столом действительно обнаружилась секретарша! Мумия в пилотке на блондинистом усохшем черепке с ярко покрашенными губами увлеченно колотила пальцами по печатной машинке. Черепок мумии настроженно уставился на меня, при этом ее пальцы продолжали бегать по клавишам сами по себе.

Дебильно улыбаясь и осознавая весь идиотизм ситуации, я осторожно вытянул руку с букетиком. Напомаженные губы разошлись в гримасе, обнажая желтые зубы, — видимо, это была снисходительная улыбка. А усохший пальчик с длинным малиновым когтем ткнул в сторону вазы, стоявшей рядом на тумбочке. Взятка была благосклонно принята, и доступ в кабинет начальника базы теперь открыт.

Все начальственные кабинеты всегда схожи и одинаково наполнены по своему функционалу. Длинный стол для совещаний примыкал торцом к массивному письменному столу. Вдоль стола и вдоль стен стояли ряды стульев, над столом нависала цепочка ламп в зеленых абажурах, а на одной из боковых стен разместились большая географическая карта континента, испещренная черными и красными крестиками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Заключенный	5
<i>Глава 2.</i> Бункер и его обитатели	25
<i>Глава 3.</i> Ложные воспоминания	52
<i>Глава 4.</i> Белая Цитадель	76
<i>Глава 5.</i> Первые шаги по чужой планете	101
<i>Глава 6.</i> Храм имени меня	119
<i>Глава 7.</i> Тайна Мирабеллы	138
<i>Глава 8.</i> Возвращение в реальность	163
<i>Глава 9.</i> Корона Благодати	184
<i>Глава 10.</i> Большое космическое путешествие	207
<i>Глава 11.</i> Воздушный рейд	234
<i>Глава 12.</i> Битва за небо	256